

Посольство патриарха Иоанна VII Грамматика
от императора Феофила к халифу аль-Мамуну

Миниатюра Мадридского списка Иоанна Скилицы

К. Ю. Бардола

ВИЗАНТИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ: «КРОВАВЫЕ ЧЕРНИЛА» ИЛИ ЧЕРНИЛА ВМЕСТО КРОВИ?

В истории, пожалуй, трудно найти политическое образование, которое так же органично ассоциировалось бы с понятием «дипломатия», как Византийская империя. И это не является случайным совпадением. Византийские приемы дипломатии часто рассматриваются как вершина дипломатического искусства, несмотря на противоположные этические оценки. Однако, общая картина, которая могла бы объединить многочисленные сведения о деятельности византийских дипломатов, в историографии отсутствует. Как результат – наличие в историографии прямо противоположных оценок византийской дипломатии и деятельности ромейских послов, различных определений и выводов, которые находятся в плену устоявшихся более чем за столетие «мифов». Эти мифы, которые превратились в определенного рода стереотипы, кочают из одной публикации в другую, охватывая учебные, научные и научно-популярные издания, создавая превратную оценку византийской дипломатии.

Основная причина подобной проблемы заключается в отсутствии четкого определения объекта исследования при изучении византийской дипломатии. То есть исследователи сами не определились, что же они понимают под термином «дипломатия». Нередко понятие «дипломатия» включает в себя внешнюю политику, стратегию или всю систему межгосударственных отношений. Обратимся к стандартным определениям и попытаемся определиться в вопросе, что же такое дипломатия.

ДИПЛОМАТИЯ – официальная деятельность глав государств, правительств и специальных органов внешних сношений по осуществлению це-

лей и задач внешней политики государств, а также по защите интересов государства за границей.

Это определение было дано министром иностранных дел СССР А. А. Громыко и с тех пор кочует из одного словаря в другой, несмотря на все его очевидное несовершенство.

Несколько иначе звучит определение данного понятия в западной дипломатической науке. Так, еще в середине XX столетия Г. Никольсон отмечал, что в разговорном языке слово «дипломатия» употребляется для обозначения ряда совершенно различных вещей. Иногда оно употребляется как синоним **внешней политики**, в других случаях обозначает обычные **переговоры**. Также термин «дипломатия» служит для названия **процедурных правил аппарата**, при помощи которых ведутся переговоры. Иногда это понятие употребляется для обозначения **заграничной части ведомства иностранных дел**. Наконец, этот всеохватный термин обозначает **особую способность**, так называемую «дипломатичность», проявляющуюся в ловкости, в хорошем смысле, при ведении переговоров, а в плохом смысле – в коварном поведении в подобных делах. Вероятно, именно поэтому в византинистике и царит неразбериха в процессе попытки исследователей дать определение византийской дипломатии. Довольно часто историки рассматривали византийскую дипломатию максимально широко, как «отношения с иностранцами», то есть, по сути, всю внешнюю политику Византии, охватывая, таким образом, военную, внешнеэкономическую и религиозную сферы деятельности. Часть исследователей, наоборот, делала акцент на приемах, «технике» осуществления внешней политики. В результате предмет исследования еще больше расширился, потому что очень трудно определить весьма тонкую грань между вопросами «что» и «как» сделано. Это отчетливо прослеживается, например, в монографии А. Н. Сахарова «Дипломатия Древней Руси». Определяя дипломатию как взаимоотношения, связанные с заключением международных договоров, исследователь относит практически все внешние контакты: военные, экономические и политические, – к дипломатическим факторам, влияющим на заключение мирного договора. То есть, опять таки, рассматривалась внешняя политика в целом.

В этом случае кажется наиболее удачным определять дипломатию как деятельность специальных представителей государственной власти, послов – дипломатов, которые посредством переговоров пытались достичь определенных целей на международной арене. В целом можно сделать вывод, что дипломатия – это политика (искусство) добиваться целей на международной арене при помощи переговорного процесса. Принимая во внимание подобное определение дипломатии, можно попытаться по-

нять роль и значение византийской дипломатии для византийского государства и региона в целом.

В византистике существуют две противоположные точки зрения о характере византийской международной практики. С одной стороны, практически все исследователи пишут о политическом «реваншизме» византийских дипломатов, который заключался в стремлении расширить границы византийского государства до размеров Римской империи. С другой стороны, многие историки говорят об определенном «миролюбии» большинства византийских императоров. Действительно, византийские источники часто описывают миролюбие как высшее достоинство императора. Надо отметить, что это было довольно непривычной государственной позицией, особенно на фоне политической деятельности весьма агрессивных соседей. Странно, что именно враждебным окружением и объясняют подобное миролюбие некоторые византилисты.

С другой стороны, в историографии делается предположение, что мирная политика была для византийского правительства экономически более выгодной. Эти два аргумента вызывают определенные возражения, так как война эпохи средневековья была весьма выгодным предприятием для определенных слоев общества, а миролюбивая политика византийцев зачастую рассматривалась варварами как слабость и подталкивала их к более активным действиям. Несомненно, вышеперечисленные факторы также играли свою роль в формировании характера внешней политики, но все же основные причины такой государственной позиции коренились в особенностях внутреннего устройства Империи. По своему статусу и непосредственным функциональным обязанностям византийский василевс, за редким исключением, был скорее управленцем, высшим чиновником, а не военным руководителем. В его распоряжении, кроме армии, было множество иных инструментов для решения внешнеполитических проблем, и дипломатия была одним из наиболее ценных.

Дипломатическим миссиям византийское правительство уделяло исключительное внимание. Как свидетельствуют источники, и что отображается на византийских миниатюрах в хрониках, византийские посольства были многочисленны, хорошо подготовлены и проинструктированы. Дипломаты функционировали в рамках посольских миссий, могли быть постоянными представителями в той или иной стране, были авторами или передатчиками дипломатических писем, а иногда действовали вполне автономно. Уровень подготовки и образованности позволял ромейским послам справиться с любой задачей. При необходимости они могли подготовить к подписанию договор, принять участие в экономическом обмене подарками-товарами, участвовать в культурных и религиозных меро-

приятнях, вести скрытую и открытую пропаганду, а также осуществлять шпионскую деятельность. Они четко определяли разницу в характере заключаемого договора. Это мог быть классический мирный договор, превентивный договор с целью недопущения военных действий, оборонительный союз против общего врага, договор с выплатой дани (пакт) или обычное перемирие.

Договор 562 года между византийцами и персами показал насколько всеохватным могло быть соглашение того времени. Помимо запрета агрессии с обеих сторон в этом договоре был описан статус дипломатов и их сопровождающих, также был решен вопрос с беженцами, регламентированы религиозные проблемы и вопросы международной торговли, зафиксированы условия демилитаризации приграничных территорий. Помимо срока действия и процесса ратификации договора, был установлен механизм решения спорных вопросов.

Не случайно историки дипломатии отмечают, что в действиях византийских дипломатов, можно выделить влияние трех дипломатических школ того времени. Греческая (риторическая) школа проявлялась в умении византийских послов публично выступать, что отмечают практически все источники. Эллинистическая (экономическая) школа научила византийцев использовать подкуп как действенное дипломатическое средство. Однако, когда эти средства не имели результата, византийцы могли напомнить, что они наследники великих римлян и прибегнуть к практике военного давления, запугивания. Все эти методы приводили к тому, что Византия часто могла решать международные проблемы «чужими руками», при помощи так называемых «союзников», причем использование союзников было весьма разнообразным.

Союзники могли действовать независимо от империи, и это было предпочтительнее для византийских императоров. При необходимости армия Империи могла присоединиться к военным действиям. Кроме этого византийские военачальники часто использовали различные военные контингенты. Также иностранцы могли составлять части военизированной императорской охраны.

Другим действенным средством решения проблем на международной арене был династический брачный контракт, который был очень популярным дипломатическим методом в средневековой Европе. Конечно, византийская дипломатия не могла пройти мимо этого приема, но использовала его весьма оригинально. Свидетельства о переговорах, посвященных возможному браку того или иного иностранного правителя с членами императорской семьи можно отыскать в источниках на протяжении всей византийской истории. Несмотря на это, успешных брачных союзов

было заключено очень мало, и судя по всему, именно на такой результат и надеялись византийские международные стратеги. Предложение брачного союза часто использовалось как экстренная мера для приостановки варварского военного нашествия. Несомненно, что такой лакомый кусок, как родство с византийским императором мог не только послужить поводом для замораживания враждебных действий, но иногда превращал врага в союзника.

После того, как опасность по разным причинам тем или иным образом устранялась, переговоры о браке переходили в вялотекущее состояние или вообще прекращались. Если же противная сторона настаивала на выполнении обязательств, имперские представители выставляли целый ряд достаточно серьезных, часто невыполнимых условий, чтобы не допустить заключения династического брака. В случае, когда и это не помогало, византийская сторона могла пойти на подлог невесты, подвергая сомнению возможные будущие притязания варваров на императорский престол. Таким образом, в отличие от средневековой Европы, заключение династического брака представлялось для византийцев чаще дипломатической неудачей, а вершиной профессионализма в этом случае можно назвать получение максимального количества преимуществ на протяжении периода переговоров до принятия окончательного решения.

Определяя эффективность византийской дипломатии, можно заметить, что уровень ее активности был неодинаковым на разных региональных направлениях. Такая неоднородность вызывала определенные трудности у исследователей при оценке характера общей византийской дипломатической политики. Изучая поведение ромейских послов лишь в одном географическом направлении, легко войти в противоречие с выводами специалистов по истории другого региона. Попытка пойти путем индукции, от частного к общему в данном случае заводит исследователей в своего рода «региональный» тупик, о чем уже говорил А. П. Каждан. Подобный подход к изучению византийской дипломатии предполагает особенности ее реализации исключительно как ответа на внешние вызовы, без учета особенностей социально-экономической и политической ситуации внутри Империи. Поэтому попытки вывести общие тенденции византийской дипломатической политики исключительно из анализа ее региональной деятельности сталкивались с непреодолимыми преградами. Например, довольно серьезная работа, проведенная Д. Д. Оболенским, который проанализировал действия византийской дипломатии на ее северных границах, в основном в Причерноморье, к сожалению, не стала «подготовительной» для освещения общей дипломатической линии. В результате остался нерешенной проблемой вопрос, какие общие «дипломатические» методы

использовала в этом регионе Византия и что было «местным», «локальным» исключением.

В целом можно выделить три основных направления византийской дипломатии – Причерноморье, мусульманский Восток и католический Запад. Основные отличия в проведении дипломатической политики в этих регионах были связаны с разным культурным уровнем и благосостоянием основных международных партнеров. Однако главная коррекция основных посольских приемов и методов ведения переговоров происходила в зависимости от политического, то есть военного веса визави. Какие методы дипломатического процесса можно считать «основными» в данном случае, а какие вынужденными – не совсем понятно. К тому же А. П. Каздан уже отмечал, что эти направления слишком «общие» и не всегда подходят для конечного анализа.

Нельзя сказать, что для христианских европейских государств и мусульманских политических образований у византийской дипломатии существовал различный подход. На западном, обычно «феодально-раздробленном» направлении иногда появлялись достаточно крупные государственные образования, с которыми империя вела активные дипломатические переговоры, например, империя Карла Великого или Священная Римская империя при императоре Фридрихе Барбароссе. С другой стороны, на востоке Византия часто имела дело не только с мощным Арабским халифатом Омейядов и Аббасидов, но и с небольшими ближневосточными политическими образованиями IV–VI вв. или более позднего периода. Да и на северных границах мы вряд ли найдем устойчивое политическое единообразие.

К тому же менялась не только международная обстановка. Византийское государство прошло свой долгий исторический путь и, несмотря на весь присущий империи традиционализм, действия ее дипломатов различались от эпохи к эпохе как по целям, так и по результатам. Реваншистское давление на своих потенциальных противников византийцы оказывали далеко не в каждом случае. Например, в переговорах с франками послы, видимо, не желая их дополнительно раздражать, «забывали» упоминать об «исконных римских» землях, о которых часто упоминали в других случаях. Также не работал этот прием и в переговорах с фанатично настроенными мусульманами.

Эти два направления были не столь успешными для византийской дипломатии, что во многом было обусловлено недостаточным использованием религиозного фактора. Императорские послы были ограничены довольно строгой государственной политикой по отношению к иноверцам, а также были ограничены в применении идеи «священной войны». В этом отношении мусульманская дипломатия VII–IX вв. была гораздо эффек-

тивнее. Предлагая противникам три варианта поведения: принять ислам, остаться в своей религии с некоторым ущемлением в правах или сражаться насмерть, мусульмане оставляли контрагентам достаточно места для маневра и возможность самостоятельного выбора, что на тот момент было весьма прогрессивно. Вероятно, это послужило основной причиной бескровной сдачи множества византийских городов и молниеносного расширения территорий арабского халифата. С другой стороны, дипломатические попытки использовать фанатично настроенных крестоносцев Запада в борьбе с такими же фанатично настроенными турками в конце концов привели к потере столицы Византии в 1204 г.

В заключение следует отметить высочайший уровень подготовки ромейских дипломатов, а также их значительную роль в решении многих международных проблем Империи. Методы византийской дипломатии во многом зависели от особенностей внутреннего устройства византийского государства, социального и идеологического статуса василевса и его окружения, что, в конечном счете, обусловило и слабые стороны имперской дипломатии.

ЛИТЕРАТУРА

- Бардола К. Ю. О византийской экономической политике и экспансии арабов в VII в. // *Східний світ*. – 2002. – № 1. – С. 144–150.
- Бардола К. Ю. «Право возврата владений» как основа территориальных претензий Византии в VI–XII вв. // *Древности 2014–2015*. Харьковський історико-археологічний ежегодник. – Вып. 13. – 2015. – С. 57–68.
- Большой Энциклопедический словарь. – М., 2000.
- Войтович Л. В., Домановський А. М., Козак Н. Б., Лильо І. М., Мельник М. М., Сорочан С. Б., Файда О. В. *Історія Візантії*. Вступ до візантиністики / За ред. С. Б. Сорочана і Л. В. Войтовича. – Львів, 2011.
- Дипломатический словарь. – М., 1971. – Т. 1.
- Домановский А. Н. Загадки истории. Византия. – Харьков, 2016.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей / Пер. под редакцией Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. – М., 1991.
- Летопись Византийца Феофана / Пер. с греч. В. И. Оболенского. – Рязань, 2005.
- Люттвак Э. Н. Стратегия Византийской империи. – М., 2010.
- Михаил Пселл. Хронография. Краткая история / Пер. Я. Н. Любарский. – М., 1978.
- Никольсон Г. Дипломатия. – М., 1941.
- Никиты Хониата. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. – СПб., 1860–1862.
- Оболенский Д. Византийское содружество наций. – М., 1998.
- Патриарх Никифор. Краткая история / Творения святого отца нашего Никифора, архиепископа Константинопольского. – Минск, 2001.

- Пигулевская Н. В.* Византийская дипломатия и торговля шелком в V–VII вв. // ВВ. – 1947. – Т. 1 (23).
- Политология: словарь-справочник / М. А. Василик, М. С. Вершинин и др. – М., 2001.
- Приск Панийский.* Сказания Приска Панийского / Пер. с греч. В. И. Оболенского, Ф. А. Терновского. – Рязань, 2005.
- Сахаров А. Н.* Дипломатия древней Руси: IX – первая половина X в. – М., 1980.
- Cartlidge N.* Medieval Marriage: Literary Approaches, 1100–1300. – Cambridge, 1991.
- Davidson A.* The Empress Theophano: Byzantium and the West at the turn of the first millennium. – Cambridge, 2002.
- Dracourt N.* Quelques aspects du rôle des ambassadeurs dans les transferts culturels entre Byzance et ses voisins (VIIe–XIIe siècle) / Acteurs des transferts culturels en Méditerranée médiévale. – Munich, 2012.
- John Skylitzes.* A Synopsis of Byzantine History, 811–1057 / trans. Wortley J. – Cambridge, 2010.
- Joseph L.* Dynastic Marriage in Aragon, Castile and England: 11th – 16th Centuries. – Adelaide, 2015.
- Haldon J. F.* Blood and Ink: some observations on Byzantine attitudes toward Warfare and Diplomacy // Byzantine Diplomacy. – Aldershot, 1992.
- Kallenberg H.* Germanus Justinians Vetter, nicht Neffe / Berliner Philologischer Wochenschrift. – 1915. – № 35. – P. 991–992.
- Kazhdan A.* The notion of Byzantine diplomacy // Byzantine Diplomacy. – Aldershot, 1992.
- Macrides R.* Dynastic marriages and political kinship // Byzantine Diplomacy. – Aldershot, 1992.
- Martindale J. R.* The Prosopography of the Later Roman Empire. – Cambridge, 1992. – T. IIIA.
- Shlosser F. E.* Weaving a Precious Web: The Use of Textiles in Diplomacy // BS. – 2005. – T. 63.
- Sypiański J.* Arabo-Byzantine relations in the 9th and 10th centuries as an area of cultural rivalry // Byzantium and the Arab World: Encounter of Civilizations. – Thessalonique, 2011.